

Но наряду с таким последовательным изложением идеи прогресса в рассуждениях Муравьева легко обнаруживается влияние «гипотезы, выдвинутой Гердером вслед за Вико о том, что нации Европы последовательно сменяли одна другую в миссии ведущих за собой человеческую культуру».²³ С точки зрения этих представлений расцвет и упадок одной культуры сменяется расцветом и упадком другой. В одной из черновых записей Муравьев писал: «Есть некоторый отлив и прилив в совершенстве нравов и обращений человеческого общества».²⁴ В «Разговорах мертвых» Муравьева диалогу Кия и Ромула предпослан следующий тезис: «Все народы вселенной изникают из варварства в последствии времен, и дошед некоторой известной точки, низвергаются паки и уступают место другим» (I, 247). В том же диалоге Ромул рассуждает: «Я вижу, что каждый народ сияет поочередно на позорище вселенной и что слава вместе с просвещением обтекает весь земной шар» (I, 248).

Муравьева устраивали обе вышеупомянутые концепции исторического движения, поскольку, с точки зрения любой из них, Россия могла быть рассмотрена как страна, быстро и бурно развивающаяся, готовая рано или поздно не просто догнать, а превзойти развитые европейские страны. В «Разговорах мертвых» Олег говорит Рюрику: «Мне кажется, что Россия займет когда-нибудь сияние Древней Греции» (I, 253). Здесь Муравьев опять отчасти смыкается с Гердером, дополнившим в ранних работах «руссоистскую критику выродившейся современной цивилизации программой культурного обновления через посредство молодых народов».²⁵ Но попытавшись оценить с точки зрения этих представлений общий ход русской истории, Муравьев встал перед необходимостью доказать, что Россия является полноправным членом европейского сообщества наций, хотя ее история и ее культура внешне непохожи на европейские. Целый ряд высказываний Муравьева свидетельствует, что он вплотную подошел к мысли о качественной специфике и самоценности культуры любой страны. Отход от механистических представлений о культуре, получивший свое наиболее полное выражение в работах Гердера, был важным завоеванием европейской философской мысли.

Следует отметить, что здесь мы имеем дело не с усвоением Муравьевым идей Гердера, а с самостоятельным интересом к тому же кругу проблем. Весьма характерно, что в письме к сестре, написанном 11 февраля 1781 г., Муравьев так писал о французских и итальянских комедиях: «Может быть, общество в Италии не таково, как оно во Франции. Другие нравы, другие предрас-

²³ Данилевский Р. Ю. И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России. — В кн.: Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980, с. 201.

²⁴ ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 39, с. 12.

²⁵ Жирмунская Н. А. Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения. — См. наст. изд., с. 94.